

Одна из пяти жемчужин

Е.С. АНОСОВА,

Москва

Известный художник и прекрасный знаток русского искусства, искусствовед И.Э. Грабарь утверждал, что в русском искусстве есть «две таких жемчужины, что если бы нужно было назвать только пять наиболее совершенных картин во всей новейшей русской живописи, то обе неизбежно пришлось бы включить в этот перечень». Эти жемчужины — картины В.А. Серова «Девочка с персиками» и «Девушка, освещенная солнцем». Об одной из этих жемчужин наш рассказ.

Валентин Александрович Серов родился 19 января 1865 г. в Петербурге¹. Его отец, Александр Николаевич, был известным композитором и музыкальным критиком. Мама, Валентина Семеновна, — начинающей пианисткой.

Страсть к рисованию у Тоши (Тоня, Тоша, Антон — так ласково называли мальчика в семье и в течение всей его жизни друзья) проявилась очень рано. В четыре года он с упоением рисовал лошадок, а в семь лет заявил маме, что хочет быть художником. Мать предполагала, что сын может быть художником, но он бы мог стать и музыкантом, время для выбора будущего еще есть.

Когда Тоше было шесть лет, умер его отец. Валентина Семеновна решает закончить свое музыкальное образование и уезжает в Мюнхен. В 1873 г. в курортном городке Мюльтале, близ Мюнхена, Серовы познакомились с художником К. Кепшин-

В.А. Серов. Автопортрет

гом. Тоша стал его учеником, и способности мальчика поражали художника. Поразили они и скульптора М.М. Антокольского, друга семьи Серовых. Увидев первый посланный ему рисунок («Лев в клетке»), он подтвердил, что мальчик очень талантлив. И будущее мальчика определилось. Вален-

¹ Умер В.А. Серов в 1911 г.

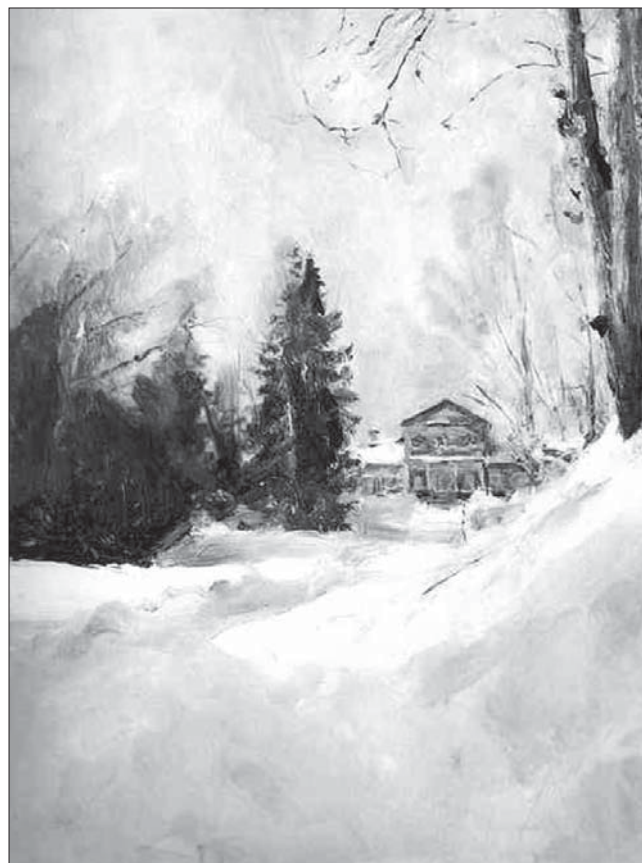
Усадебный дом в Абрамцеве. Современный вид

тина Семеновна купила альбом, собственноручно подписала: «Тоня Серов. № 1» и разговоры с сыном о будущем начинала словами: «Когда ты станешь художником...» Антокольский также заметил, что влияние крупной художественной личности всегда плодотворно для вызревания таланта. Осенью 1874 г. Валентина Семеновна повезла сына в Париж. Она решила, что могучий талант И.Е. Репина будет благодетелем для ее сына.

Несколько лет (это годы восходящей славы Репина) Тоша живет у художника, наблюдает за работой мастера и сам много работает.

Репин вспоминал своего девятилетнего ученика: «Когда он выскакивал на воздух и начинал прыгать на ветерке — там был ребенок; в мастерской он казался старше лет на десять, глядел серьезно и помахивал карандашом решительно и смело. Особенно не по-детски он взялся за схватывание характера энергическими чертами... Его беспощадность в ломке не совсем верных, законченных уже им деталей приводила меня в восхищение: я любовался зарождающимся Геркулесом в искусстве».

Занятия у Репина, европейские музеи, курс занятий в Академии художеств (1880–1885) у П.П. Чистякова (Репин позаботился, чтобы его любимый ученик учился у этого легендарного и требователь-

Зима в Абрамцеве. 1896

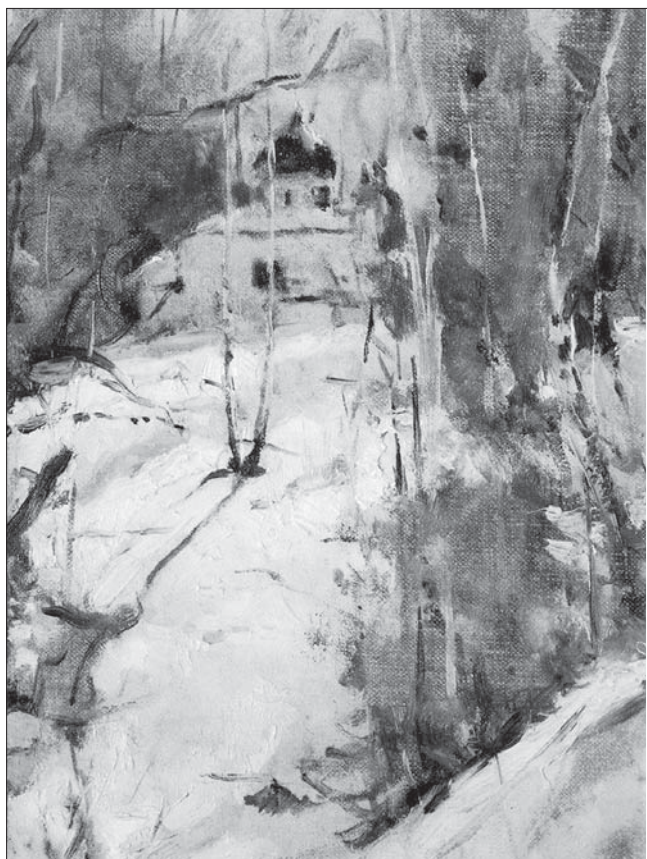
ного педагога), страстная любовь к искусству и стремление к совершенству создали уникального великого художника — Валентина Александровича Серова.

Все, что было создано Серовым (блистательные портреты, замечательные пейзажи, исторические композиции, театральные декорации, превосходные рисунки), всегда выразительно, благородно, исключительного вкуса.

Первый творческий успех В.А. Серова был связан с написанной в 1887 г. картиной «Девочка с персиками».

Весну 1887 г. Серов провел в Венеции. Красота Венеции ошеломила художника. Самые счастливые в своей жизни письма Серов написал тогда, в Венеции. Невесте он пишет: «Я хочу таким быть беззаботным; в нашем веке пишут все тяжелое, ничего отрадного. Я хочу отрадного и буду писать только отрадное».

Из Венеции, никуда не заезжая, Серов поехал в Абрамцево, в имение С.И. Мамонтова. Впервые Серовы остановились в усадьбе С.И. Мамонтова в 1875 г., вернувшись в Россию. В семье Саввы Ивановича и

Зима в Абрамцево. Этюд. 1896

его жены Елизаветы Григорьевны десятилетний Тоша Серов нашел не только пикники, поездки на плотах и лодках по реке Воре, катание на лошадях. В этой семье он обрел тепло, ласку, уют семейного очага, которых не знал, живя с мамой в европейских гостиницах и пансионах. «Ты ведь знаешь, — писал он своей невесте, — как я люблю Елизавету Григорьевну... Право, у меня две матери». Тоша стал членом этой семьи и последующие годы проводил каждое лето в усадьбе, став заводилой во всех играх и мальчишеских подвигах и детей Мамонтова, и их двоюродных братьев.

В Абрамцево, где хозяева и гости были увлечены театром, у Тоши неожиданно обнаружился блестящий актерский талант. Особенно охотно он играл комические роли, с удовольствием мог изобразить на сцене льва или лошадь, роющую землю копытами. А если для спектакля требовало ржать конем, ворковать голубком или еще подражать каким-либо другим звукам, то лучше всего это получалось у Тоши. Он, поражая всех, мог кричать голосом великана Голиафа, да так, что слышалось эхо, повто-

Абрамцево. Храм Спаса Нерукотворного Образа

ряющее каждый последний слог. Творческая энергия и масштабность замыслов Саввы Ивановича притягивали в Абрамцево, в мамонтовский кружок, замечательных певцов, артистов, художников. Серов был очарован работами В.М. Васнецова, познакомился с И.И. Левитаном, обрел друзей — К.А. Коровина и И.С. Остроухова. Он рисовал вместе со всеми по вечерам, писал пейзажи окрестностей Абрамцево, натюрморты и, конечно, своих любимых лошадок.

Однажды в середине лета, когда после обеда все разошлись, за столом остались только Вера Мамонтова, двенадцатилетняя дочь владельца усадьбы, и Серов. Серов долго смотрел на девочку, а потом сказал, что хочет написать ее портрет. Сказал, что мучить долго не будет, попросил попозировать, ну, десять сеансов. Правда, в анналах семьи упоминаются еще и обещание прогулок на лошадях, и дополнительные порции персиков. Больше месяца писал Серов этот портрет. Конечно, сеансов позирования было не десять, а много больше, но портрет создает впечатление работы «в один присест» и в упоении.

На картине изображена часть большой светлой комнаты — столовой абрамцевского дома. За большим обеденным столом, покрытым льняной скатертью, сидит загорелая темноглазая девочка. В комнате все просто — стулья, фаянсовая тарелка на сте-

не, у окна стол, на котором стоит подсвечник. В открытую дверь видна часть соседней комнаты. В углу деревянная кукла в воинском мундире — гренадер (ею кололи орехи) — щелкунчик. Композиция картины продумана и четко выстроена, а создается впечатление непреднамеренности — так естественны и поза девочки, и как бы случайно попавшие в картину части предметов. Девочка сидит спиной к окну, ее силуэт чудесно светится.

Замечено, что бывают создания человеческого гения, которые во много раз перерастают намерения их творцов. К таким созданиям надо отнести и этот удивительный портрет. Представим, что художник написал бы девочку точно так же, как он написал в картине — загорелой, со встрепанной шапкой черных волос, в этой же чудесного тона розовой кофте с бантом в горошек, но... на гладком светлом нежном фоне. Сохранилось бы очарование картины? На портрете мы бы видели, какой славной была Верочка Мамонтова, но того чувства легкости, счастливой беззаботности, радости — отрадного, того, что жизнь прекрасна, что стоит жить! — и подольше! — уже не было бы. Можно также представить, что художник написал девочку за столом вечером, при свете лампы. И снова было бы уже совсем другое произведение. Вот как важны для образа картины и свет, и воздух, наполняющие картину, и впечатление, что созданное на холсте — это часть большого, прекрасного мира бытия.

Из этюда «Девочка в розовом» выросла полная глубокого значения картина. Со временем «Портрет В.М.», так он значился в каталоге на выставке Московского общества любителей художеств 1888 г., для русского искусства стал «Девочкой с персиками», началом художественных открытий нового этапа русской культуры — культуры рубежа XIX–XX вв.

И.Э. Грабарь вспоминал, что для него и художников его поколения, тогда еще совсем мальчишек, подростков, самыми счастливейшими днями в году были дни открытия двух московских выставок того времени, Периодической и Передвижной: «Бывало, идешь на выставку, и от ожидающего тебя счастья дух захватывает». На выставке Московского общества любителей худо-

жеств 1888 г. три картины В.А. Серова — «Портрет В.М.», «Девушка, освещенная солнцем» и «Заросший пруд» — стали откровением и для молодежи, и для признанных мастеров.

«Мы никогда не видели в картинах ни такого воздуха, ни света, ни этой трепещущей теплоты, почти осязательности жизни. Самая живопись больше всего напоминала живопись «Не ждали»; в красках окна и стен было что-то очень близкое к краскам задней комнаты и балконной двери у Репина, а фигура взята была почти в тех же тонах, что и репинская девочка, нагнувшаяся над столом: тот же густой цвет лица, то же розовое платье и та же белая скатерть. Но было совершенно ясно, что здесь, у Серова, сделан еще какой-то шаг вперед, что найдена некоторая ценность, Репину неизвестная, и что новая ценность не лежит в большей правдивости серовского портрета в сравнении с репинской картиной, а в какой-то другой области. Всем своим существом, помню, я почувствовал, что у Серова красивее, чем у Репина, и что дело в красоте, а не в одной правде», — писал И.Э. Грабарь.

Как написать белую скатерть, побеленную стену, крашенные масляной краской рамы? Как написать прозрачные стекла и бесконечность мира за листьями деревьев? Как передать воздух, льющийся свет?

Когда Серова спрашивали, как он работал, он отвечал, что думал о Репине, о «стариках» — мастерах Возрождения, о Чистякове, а главное — о свежести, той свежести, которая есть в натуре и которая пропадает почему-то на полотнах у всех современников.

Премия за портрет на выставке Московского общества любителей художеств 1888 г. была присуждена «Девочке с персиками». Серов был признан всей художественной общественностью и навсегда лучшим портретистом рубежа XIX–XX вв.

Картину «Девушка, освещенная солнцем» купил П.М. Третьяков, пейзаж «Заросший пруд» был приобретен коллекционером В.В. Якунчиковым.

Портрет Веры Мамонтовой, как только он был закончен, художник подарил маме этой девочки, Елизавете Григорьевне, «своей второй маме».